

**ЭПИЗОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ
(К ОПИСАНИЮ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ ВОЕННОГО ПРОТИВО-
СТОЯНИЯ НА КУБАНСКОЙ ЛИНИИ В СЕРЕДИНЕ 1833 Г.)**

В статье предпринимается попытка преодоления устоявшейся историографической аберрации относительно нескольких военных событий на Кубанской линии в середине 1833 г. Для этого производится анализ соответствующих исторических сюжетов.

Ключевые слова: Кубанская линия, черкесы, казаки, кавалерия, хаджреты.

Алоев Тимур Хазраилович

К.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории КБИГИ

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Обращаясь к сюжетам Кавказской войны целесообразно иметь ввиду что выражение «историю пишут победители» не всегда и не везде себя оправдывает. Однако также важно помнить, что логика колониального дискурса формировавшегося и спустя многие десятилетия после войны, накладывала свой отпечаток на исторический нарратив, который был призван зафиксировать увенчавшиеся «триумфом» образы имперских свершений. Это обстоятельство задавало определенные характеристики свойственные повествовательному канону, относящемуся к кавказской тематике. В рамках настоящей работы не предполагается многостороннего освещения вопросов связанных с подобной ситуацией. В хронологическом и фактологическом плане речь идет о весьма узких границах. В статье предпринимается попытка критического взгляда на характер отражения в историографии событийной канвы, относящейся к короткому периоду военного противостояния на Кубан-

ской линии в середине 1833 г. Ввиду того, что в российских текстах принято отводить значительную, если не сказать ведущую роль в этих событиях заступившему в мае 1833 г. на должность командующего Баталпашинским участком полковнику Г.Х. Зассу уместно обратить внимание на отраженные в историографии обстоятельства его военного дебюта в Восточном Закубанье.

Командование вверенными войсками Засс, согласно В.Толстому, начал с успешного боя против черкесов на р. Зеленчук. Изложение автором его завязки, протекания и исхода не лишено некоторых недостатков. В этой связи представляется уместным указать на ряд обстоятельств, препятствующих однозначному восприятию представленного в его труде события. Оно же в изложении автора выглядит следующим образом: «Прежде всего Засс признал необходимым основательно познакомиться посредством личного осмотра с местностью своего кордонного участка и ближайшим районом к стороне противника, откуда горцы часто производили внезапные нападения на линию. С этой целью он собрал отряд из хоперских и донских казаков, двух рот пехоты с двумя конными орудиями, переправился с ним за Кубань и двинулся к р. Б.[ольшой] Зеленчук. Выследив движение Засса, черкесы собрали большую партию с намерением отрезать путь отступления нашему отряду – излюбленная манера горцев при вторжении наших отрядов в их земли. Но Засс угадал маневр неприятеля и распорядился оставить в засаде, в лесистой балке на Зеленчуке, всю пехоту, а сам с казаками и конными орудиями продолжал наступление. Между тем, горцы, маневрируя вдаль, вдруг всюю массою ринулись на казаков. Остановившись, Засс развернул боевой порядок и после двух орудийных выстрелов приказал атаковать неприятеля в шашки. Воодушевленные присутствием храброго начальника, хоперцы смело врезались в толпы горцев. Через несколько минут ожесточенной схватки неприятель не выдержал нашего удара и бросился к Зеленчуку, но тут наткнулся на нашу засаду, которая приняла его дружным залпом»¹.

Представленный текст позволяет вести рассуждения в двух плоскостях. Исследовательский взгляд в одной из них предполагает попытку критического анализа текста исходя из презумпции релевантности его содержания историческому контексту, т.е. согласуя собственные рассуждения с предложенным авторским сюжетом. Вторая опирается, преимущественно на учет «экстратекстуальных» моментов сопровождающих его изложение. В данном случае представляется целесообразным предварительно обратить внимание на непроясненные нюансы, связанные с «внешним» пространством текста. Прежде всего, следует указать, что автор не упоминает дату события, а также не ссылается на какой-либо источник, что для повествования В.Толстова не характерно. «Провисанию» сюжета способствует и тот факт, что в тексте не указывается район, из которого выступили российские войска. (Нет необходимости доказывать важность выяснения этого обстоятельства для реконструкции системы координат, задававших, по крайней мере, географические параметры сюжета). Примечательно также, что результаты описанного «боя» не нашли отражения в списке потерь как у самого Толстова так и, к примеру, у Гизетти.

Попытка рассуждений в рамках авторской фабулы также не обеспечивает возможности выстраивания более-менее непротиворечивой картины представленного события. В попытке преодоления изъянов текста правомерным представляется в первую очередь прояснить географическую локацию коллизии. Для этого необходимо понять, где находилась отправная точка выступившего отряда войск. Хотя в рассматриваемом тексте этот момент никак не отражается, российские войска в этом районе вероятнее всего могли выступить из Невинномысской или Баталпашинской станиц. Последний вариант более предпочтителен ввиду того обстоятельства, что Баталпашинская более находилась «к стороне противника». В пользу этого выбора говорит и сам текст, в котором указывается о переправе через Кубань и продвижении к Большому Зеленчуку. Подобное описание маршрута войск было бы вряд ли

возможно, если бы отряд выступил из Невинного мыса, в районе которого в Кубань впадает Зеленчук.

Важным моментом, без артикуляции которого критическое восприятие нарративной конструкции Толстова будет затруднительным, является учет не самой «типичной» цели выступления российского отряда. Не «экспедиция» к черкесским аулам или же преследование отходивших после рейда за Линию хаджретов, а ознакомление «посредством личного осмотра с местностью», т.е. рекогносцировка. В этом контексте чересчур надуманным представляется приписываемое черкесам в качестве изначального и главного замысла «намерение отрезать путь отступления» российского отряда. Разумеется, для черкесов, кавалерия которых наголову превосходила неприятельскую конницу (которая к тому же сопровождалась замедлявшей ход пехотой), осуществление подобного маневра не представлялось проблематичным. Однако «отрезать путь отступления» войскам не имеющих конкретного(ых) пункта(ов) назначения своего движения, не оставивших позади себя пылающих сел и не обремененных пленными и добычей, а значит свободных от легко просчитываемых противником маршрутов отхода, обусловливаемых в свою очередь соображениями скорейшего ухода из зоны досягаемости неприятеля, не мог быть изначальной сверхзадачей черкесов. Рассматривать же эту мысль в качестве неустранимого знаменателя в представленной конфигурации обстоятельств возможно лишь в том случае если черкесы предполагали «полноценное» вторжение русских «в их земли» с нападением на населенные пункты и движимое имущество, которое и мотивировало, согласно наблюдению автора, «излюбленную манеру горцев». Здесь же не наблюдается ни подобной ситуации, ни соответствующей ей мотивации.

К мысли о том, что последняя так и не созрела у черкесов в представленном числе и описываемых обстоятельствах подводит и представление о географической локализации события, которую можно составить исходя из сообщений повествования. Ввиду того, что здесь не указывается ни о каких временных параметрах сюжета трудно определить длительность нахождения

отряда в походе. Соответственно невозможно проверить временную дистанцию между отмеченным В.Толстым «фактом» выслеживания фланирующего российского отряда и сбором черкесами «большой партии». Таким образом «темпоральная верификация» описанной коллизии не представляется возможной. Здесь можно опираться лишь на факт упоминания в тексте долины Зеленчука как места, где развернулась баталия. При этом следует обратить внимание на то, что здесь не говорится ни о предварительном форсировании этой реки, ни, к примеру, о последующем продвижении войск вглубь гор. В таком случае с большой долей вероятности можно говорить, что речь идет о низовьях Зелечуков. Находившегося в состоянии войны с Россией населения в этой зоне по понятным причинам быть не могло. Следовательно, тезис о «большой партии» с сопутствующими сюжетными элементами опять-таки теряет в своей убедительности.

Преодолеть логические и историко-контекстуальные огрехи рассматриваемого повествования едва ли удастся, если даже выстраивать рассуждения без учета выше представленных соображений. В возражение тезиса о том, что выследившие противника «черкесы собрали большую партию с намерением отрезать путь отступления» можно привести и другой ряд обстоятельств. Так, согласившись с этим положением закономерно допустить, что черкесы должны были концентрироваться позади вторгшегося отряда войск, при этом сделать это максимально скрытно. Однако вместо этого они якобы предпринимают лобовую атаку (авторская манера изложения, как можно судить исключает фланговый маневр). Но «угадавший» намерение неприятеля Засс заранее (уже, будучи выслеженным!) разделил отряд на две части; оставив пехоту «в лесистой балке на Зеленчуке», «сам с казаками и конными орудиями продолжал наступление». И вот этот поредевший отряд, состоявший исключительно из казаков «развернул боевой порядок» (в пересеченной местности) и после двух орудийных выстрелов успешно атаковал неприятеля в шашки. Причем в качестве непосредственных участников боя автор упоминает только хоперцев. В какой-то мере это и понятно, учитывая многократно

отмечавшуюся неэффективность действий донских казаков в ходе Кавказской войны.

В целом нельзя не заметить, что особенностью данного сюжета является отсутствие описания конкретных параметров противоборствовавших сторон, за исключением принимавшего якобы в конце боя участие в нем двух рот пехоты. Адыги обозначены как «большая партия» черкесов, а их противник как «отряд из хоперских и донских казаков». Вывести их соотношение на основе этих данных весьма проблематично. Поэтому в попытке реконструкции наиболее вероятной картины рассматриваемого события, мы вынуждены соотнести представленный здесь алгоритм действий той или иной стороны с общим историческим контекстом того времени.

Подходя к вопросу с указанной позиции, становится понятным, что утверждение о том, что после двух артиллерийских выстрелов «хоперцы смело врезались» в черкесов и через несколько минут ожесточенной схватки неприятель не выдержал удара и бросился к Зеленчуку, можно признать правдивым лишь в том случае, если численность черкесской партии существенно уступала казакам.

Не говоря о том, что в предыдущий период утвердилось мнение о значительном превосходстве черкесских воинов над казаками (при этом не донскими, а терскими, проживавшими в регионе² можно говорить об адекватности этого мнения реалиям 30-х гг. XIX в. Не кто иной как многоопытный генерал Вельяминов в 1832 г. говорил о безусловном превосходстве черкесской кавалерии, как над регулярной, так и казачьей конницей³. Справедливости ради отметим, что не все было так безнадежно для казаков. Так, Ф.Ф.Торнау по этому поводу писал: «Кабардинцы, сапсуги и все вообще небольшие закубанские общества, принадлежащие к черкесскому племени, составляют лучшую конницу, какую мне встречалось видеть. С ними могут равняться только ногойцы, живущие на левом берегу Кубани, да наши коренные линейные казаки»⁴. Но указанная потенция реализовывалась далеко не всегда. Тем более что по признанию самого В.Толстова, со «свойственной казакам осторожно-

стью» «хопёрцы» «перещеголяли своих учителей» преимущественно «в деле спешивания под лихим неприятельским налетом и упорного сопротивления в пешем строю»⁵. Согласно автору «этот боевой прием линейные казаки проделывали» «обыкновенно при встречах с превосходным противником, когда неравенство в силах становилась очевидным...»⁶ Думается, что для непредвзятого исследовательского взгляда на представленную историческую ситуацию правомерно опираться на корректирующий потенциал этих свидетельств и характеристик.

Единственным сколько-нибудь значимым доводом в пользу того, что здесь соприкоснулись две равновеликие силы, может послужить учет использования российской стороной артиллерии. Однако весомость и этого аргумента слишком мала, если учитывать, во-первых, то, что два выстрела не обеспечивали такой плотности поражения противника, которая при равной борьбе выступает решающим фактором. А во-вторых, они не способны были вызвать панику среди давно привыкших к применению артиллерии черкесов. В связи с этим достаточно вспомнить эпизод из сражения 9 июня 1828 г. у станицы Марьинской. Тогда, действуя против действительно крупного отряда черкесов волжские казаки, несмотря на применение артиллерии, были смяты отрядом хаджретов и западных адыгов⁷.

Невероятность обрисованной кульминации боя, непосредственно вытекает из выше представленных В.Толстовым частей повествования. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что не выдержавшие-де атаки казаков черкесы, вместо того чтобы отступить, «просочились» сквозь своих «победителей» и оказались за их спинами – под ударами оставленного в тылу отряда пехоты. При этом с трудом можно представить, чтобы разбитый отряд «горцев» искал спасения не у себя в горах, а в стороне «плоскости» откуда пришли войска. Принимая во внимание всю совокупность изложенных обстоятельств, думается правомерно рассматривать источником данной историографической аберрации следование ее «виновника» принципу *fas et nefas** при конструировании проимперского повествования.

Как бы то ни было, сведения источников не позволяют говорить о стремительном и единовременном обострении накала противостояния вместе со сменой начальника Баталпашинского участка. Лишь на исходе лета на Линии обозначились явственные признаки тяжелого и вязкого противоборства ожидавшего стороны в предстоящую осень.

* протащить что-нибудь правдами и неправдами (лат.)

Предвосхищая изложение его важнейших черт, сразу отметим, что в конце года командующий Отдельным Кавказским корпусом признал, что главная опасность для «границы» в это время исходила от совместных действий хаджретов и абадзехов к которым присоединились и бесленеевцы⁸. Соответственно и основные усилия российских войск были направлены на нейтрализацию их воздействия.

В источниках отмечается, что уже 30-го августа командующий Прочно-Окопским участком подполковник Васмунд выступил с 300 казаков «при 2-х конных орудиях» в направлении собравшегося «в довольно значительном числе» на р. Уруп противника. Сообщая о результатах данного «движения» барон Розен (видимо на основании рапорта Васмунда) указывал, что российский отряд «встретился с частью сей партии, не доходя 20-ти верст до Вознесенского укрепления, которую он несколькими пушечными выстрелами заставил рассеяться, и на другой день возвратился с отрядом за Кубань»⁹. Даже для военных реляций имевших выраженную специфику отражения тех или иных событий (обусловленных происхождением, личными характеристиками авторов, назначением документов) подобная идиллически-бескровная «нейтрализация» противника является весьма редким явлением.

В самом деле, предыдущий и последующий опыт боевого взаимодействия между указанными противниками показывает, что представленный в документе облик боя откровенно выбивается из «стандарта» боестолкновения характерного для правого фланга.

Видимо следует исходить из того, что указание на сбор «значительного числа» горцев необходимо увязать с численностью, составом и мощностью артиллерийской оснащённости отряда направленного для их нейтрализации. Только лишь будучи уверенным в наличии значительного численного и огневого превосходства командующий Прочно-Окопского участка выступил бы с указанными силами против черкесов. В пользу этого говорит и то, что Васмунд якобы «несколькими пушечными выстрелами заставил рассеяться» «горцев» находившихся «в довольно значительном числе». Здесь, совершенно очевидно, опять-таки, в контексте устоявшегося характера военных действий в регионе, что черкесы осуществили отходный маневр (тем более, что речь идет лишь о части партии).

Во всяком случае, вполне определенно можно говорить о том, что в отношении группы черкесов уклонившейся от артиллерийского обстрела объективно (учитывая, какие силы в этот период обычно рассматривались крупными или соразмерность казачьего отряда Васмунда действовавшего против горцев) не могла быть использована оценочная характеристика – «значительное число».

Это подтверждается источниками. Уже 2 сентября в район р. Уруп из станции Беломечетской выступил еще более крупный контингент российских войск – 450 казаков «при 2-х конных орудиях» под руководством командующего Баталпашинским участком¹⁰. Его должен был поддержать сводный батальон пехоты из частей Навагинского и Тенгинского полков. Предполагалось, что они будут действовать против «горцев» собравшихся «в значительном числе на р. Лабее». Однако после открытия разъездом противника было признано достаточным направить для его нейтрализации двух сотен хоперских казаков без артиллерии. «Хоперцы настигли партию на Тегенях (р.р. Большая и Малая Тигени. – Т.А.) и разгромили ее в конец; при этом неприятель потерял 9 человек и двух взятыми в плен», – отмечает В.Толстов. Однако примечательно, что численность черкесского отряда определяется им всего в 25 –30 человек¹¹.

Любопытно, что «во время преследования казаки захватили до 2-х т.[ысяч] баранов и бывших при оных трех пастухов». И при этом «горцы, бывшие» якобы «в сборе на Лабе, узнав о движении полк. Засса, разошлись, почему он возвратился в Невинно-Мысскую станицу», – указывается в источнике.

Судя по содержанию текста, получается, что разбитая (весьма небольшая) черкесская «партия» фактически находилась в походе; пусть даже на начальной стадии. Весьма странно, что огромная отара овец в 2000 голов (для сравнения отметим, что спустя несколько месяцев при уничтожении махошевского аула Глабгай, когда войскам досталось все достояние аула добыча составила всего 300 штук рогатого скота)¹² находилась в непосредственной близости от исходной зоны планируемого прорыва, т.е в полосе с высокой вероятностью военных действий. К тому же неоднозначно выглядит ситуация, когда крупные силы черкесов локализовались примерно на расстоянии одного конного перехода позади значительного стада овец – основного движимого имущества населения страны в этот период. Еще маловероятнее выглядит картина того как черкесы «узнав о движении полк. Засса, разошлись», а не стали преследовать войска разбившие их «разъезд» или «авангард» и уже приступившие к отгону крупного стада.

Чем же объяснить то, что находившиеся в значительном числе «горцы» проигнорировали самую для себя удобную и мотивированную стадию российской экспедиции¹³. Видимо тем, что указанного сбора «в значительном числе» на самом деле и не было. Если взятые в плен при нападении на небольшую группу всадников, пастухи и стадо были вполне осязаемыми, материальными свидетельствами имевшегося столкновения, утверждение о расхождении черкесского отряда «в значительном числе» не может быть подтверждено в принципе.

Сами обстоятельства хода событий указанные в документе, говорят в пользу того, что упоминаемое «значительное число горцев» вероятнее всего было лишь благовидной отговоркой предназначенной начальству. Подлин-

ной же целью движения было огромное стадо овец, находившееся под прикрытием небольшого отряда. И, вероятнее всего, столь беспечное расположение огромного стада говорит о его принадлежности т.н. «мирным горцам». В качестве же причин значительности сил направленных для этой цели можно указать: 1) Непривычность для Засса обстановки на новом для него театре военных действий; 2) Провокация с целью эскалации (что практически и удалась).

Примечания

1. Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696 –1896). Тифлис, 1901. С.236.

2. Кабардино-русские отношения в XVI –XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. С.43.

3. Вельяминов А.А. Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27 июля 1832 г. // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С.82 –84.

4. [Торнау Ф.Ф.] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С.211.

5. Толстов В. Указ. соч. С. 138, 140.

6. Там же. С. 138.

7. Потто В.А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С.300.

8. Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII –XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С.213.

9. Там же. С.212.

10. Там же.

11. Толстов В. Указ. соч. С.237.

12. Бесленей – мост Черкесии... С.217.

13. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Спб., 2008. С.83.

The paper attempts to overcome the established historiographical aberration with regard to several military events in the Kuban line in the mid-1833. For this purpose, an analysis of relevant historical subjects is carried out.

Key words: Kuban line, Circassians, Cossacks, cavalry, Hadjrets.

Aloyev Timur Hazrailovich

candidat of historical sciences Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches

Researcher in sectors of a medieval and modern history